

ВЕСТНИК ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА

ACTA INSTITUTIONIS ORIENTALIS

№ 1 (5) т.3. 1997

Санкт-Петербург

ВЕСТНИК ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

ACTA INSTITUTIONIS ORIENTALIS

Научный и учебно-методический
журнал, выходит 2 раза в год
Издается с 1995 года

№ 1 (5) т. 3 1997

Основные учредители Восточного института:

Институт образования взрослых РАО (СПб)

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра
Великого РАН (СПб)

Редакционная коллегия:

З.А.Джандосова (главный редактор),
А.М.Кабанов, А.С.Мартынов, С.Л.Невелева,
С.А.Французов, К.Э.Хмелевский, А.Л.Хосроев

Адрес редакции:

Санкт - Петербург ,
199034 , а/я 445 ,
наб. л - та Шмидта,
д.15/1
тел. (812) 213-62-82
факс(812) 312-41-28

Санкт-Петербург

Проблемы востоковедного образования

В.М.Алексеев. Обзорение моего преподавания (архивная публикация). Вступительная статья Л.Н.Меньшикова..... 3

Материалы к изучению стран Востока

Н.А.Спешнев. Микротопонимия города Пекина 25

Т.И.Султанов. О слове “табак” и распространении табака в странах Среднего Востока 50

З.А.Джандосова. История покорения Хазараджата по сообщениям “Сирадж ат-таварих” 53

Студенческое научное общество

Е. Л. Бутенко. Мифология и особенности культа Шивы (на материале “Сканда-пураны: Сахьядри-кханда”, гл. 16)..... 73

Résumé 123

Сдано в набор 25.03. 97 г. Подписано в печать 25.03. 97 г.

Формат 60 x 84/16 Печ.лист. 6

Тираж 200 экз.

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

акад. В.М.Алексеев.

Обзорение моего преподавания.

(архивная публикация)

Вступительная статья¹

Академик Василий Михайлович Алексеев (1881-1951), бесспорный глава русской и советской китаеведческой науки, в течение нескольких десятилетий, с момента занятия им должности приват-доцента в 1910 г. и до его смерти в 1951 г., был заведующим кафедрой китайской филологии в Санкт-Петербургском Университете и главой китайского кабинета в Азиатском музее (Институт востоковедения) Академии Наук. В.М.Алексеев воспитал всех петербургских-петроградских-ленинградских китаеведов — список его учеников включает выдающихся знатоков Китая, таких как Н.А.Невский, Ю.К.Щуцкий, Б.А.Васильев, К.К.Флуг, А.А.Драгунов, А.А.Петров, Л.И.Думан, В.Н.Кривцов, О.Л.Фишман, В.М.Штейн, В.В.Петров и многие другие, в том числе и некоторые, живущие ныне.

В натуре В.М.Алексеева было одно исключительное свойство: если он брался за какое-то дело, то вскоре оно становилось важнейшим направлением его деятельности в целом и, как правило, на всю жизнь. Таких “дел жизни” у него было много. Конечно, основным у него - и субъективно, по его собственному представлению, и объективно, по числу работ в общем списке его трудов, - было изучение китайской литературы. Это было главное дело его жизни, и его “Поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту” (1916), и солидный том “Китайская литература” (издан посмертно в 1978 г.), и переводы Пу Сун-лина - Ляо Чжэя, выходявшие начиная с 1922 г. и продолжающие выходить донныне, и не опубликованные пока полностью “Антология

¹Вступительная статья, дополнения и общая подготовка текста к печати Л.Н.Меньшикова.

и курение табака получило там, особенно в армии, такое широкое распространение, что войны почти все свое жалование тратили на табак. Тогда шах Аббас I (правил в 1587- 1629 гг.) наложил запрет на курение табака; нарушившим запрет отрезали нос и губы. Согласно известиям Мухаммад-Масума, автора "Хуласат ас-сийар", этот запрет был отменен в 1629 году шахом Сафи (правил в 1629 - 1642 гг.), который в первые же дни своего правления издал указ о разрешении курить табак и об освобождении от налога на табак.

Постепенно табак проник в Среднеазиатское междуречье Аму - Дарьи и Сыр-Дарьи - Мавераннахр, и, например, в XVIII веке табак курили многие среднеазиатские вельможи и люди, находящиеся у них на службе. В этой связи особо отмечу, что в годы правления в Бухаре Даниял-бия (1758- 1785 гг.) должность главного казия (судьи) ханства была в руках саййида Низам ад-Дина, который курил табак совершенно открыто, никого не стесняясь и не ограничивая себя. Правда, и в среднеазиатских ханствах неоднократно запрещали курение табака, но, хотя повинные в курении табака подвергались жестоким публичным наказаниям, вплоть до смертной казни эти запреты никогда не соблюдались слишком строго.

Рассказывается, что хивинский царевич Мухаммад-Рахим был заядлым курильщиком и пил вино запоем; но, сделавшись ханом Хивы в 1806 году, перестал и курить, и пить. Более того, он запретил курение табака и злоупотребление крепкими напитками и своим подданным, приказав за нарушение этого запрета разрывать провинившимся рот до ушей. Желая искоренить в ханстве употребление табака, Мухаммад-Рахим-хан запретил и разведение его в Хиве, и привоз из Бухарского ханства. Однако убедившись, что запретительные меры не действуют, хан впоследствии разрешил курение табака, что, естественно, привело к быстрому и значительному расширению площадей под этой выгодной технической культурой.

Автор настоящих строк, проводивший в свои школьные годы немало времени на уборке табака на совхозных полях Алма-Атинской области и в недавнем прошлом сам - отчаянный курильщик, вполне согласен с мнением, что *تدباکو از سیموم قاتله است*, т.е., что "табак принадлежит к числу смертоносных ядов". Однако, утверждать только одно это - значило бы возводить на табак напраслину. В разумных мерах, скажу я вам как курильщик с многолетним стажем, табак -

один из мощных стимуляторов и волшебного-успокоительное средство одновременно, и как таковому, по моему глубокому убеждению, ему суждена долгая жизнь среди людей.

З. Джандосова

История покорения Хазараджата по сообщениям "Сирадж ат-таварих"

В 1880 г., в ходе второй англо-афганской войны, на кабульский престол взошел Абдурахман-хан, известный в афганской истории как "абсолютный эмир". Он оказался перед лицом целого клубка проблем, связанных с политическим объединением, укреплением и модернизацией раздробленного и отсталого государства. Власть его в большинстве областей, управлявшихся сепаратистски настроенными наместниками, была поначалу совершенно номинальной, поэтому первые годы правления прошли под централизаторскими знаменами. Между тем, в самом сердце Афганистана, в его срединной горной части, находилась большая независимая область - Хазараджат. Здесь обитали многочисленные роды и племена, составлявшие монголоидный с антропологической, персоязычный (имея в виду диалектную вариантность) - с лингвистической, шиитский¹ - с культурологической точки зрения этнос, - хазарейцы (*hazāra*).

Топоним "Хазараджат" (*hazārajāt*) два значения. Более широкое употребляется для обозначения всех территорий, где хазарейцы составляли (или составляют) компактно расселенное большинство. И сегодня эти земли включают такие области, как Дайзанги, Якауланг, Панджао, Варас, Лаль-о-Сарджангаль, Бехсуд, Даймирдад, Даррайи-Суф, Сепай, Гизаб, Аджристан, Малистан, Чора, Бабури, Дая-о-Фулади, Урузган, Завали, Бубаш, Дайчопан, Тарин, Дехравуд, Джагури и Шейх-

¹ Последнее обстоятельство, т.е. принадлежность хазарейцев к иной ветви мусульманства, чем большинство населения страны, позволило приравнять их к неверным и провести завоевание хазарейцев под лозунгами религиозной войны.

Али². Особо выделяется район Калайи-Нау (Бадгис), хазарейское население которого (*hazāra-yē qala-yē naw*) исповедует суннитский ислам и противопоставляет себя генетически и этнически жителям Хазараджата³. В более узком значении понятие “Хазараджат” применялось в конце XIX в. лишь к тем из этих областей, что продолжали оставаться фактически независимыми от центрального правительства и потому иначе называвшиеся “страной мятежников” - Йагистаном (*yāgistān*)⁴ (Территориально это современная провинция Урузган и пограничные с ней районы Газни, Гора и Бамиана).

Завоевание хазарейского Йагистана стало важной задачей внутренней политики Абдуррахман-хана в тот момент, когда “Его Величество получили передышку после мятежей и бунтов племен андари, тараки, алихель, шинвари и лагман, а также кухистанцев”, - как писал Файз Мухаммад, автор “Сирādж ат-таварих” [“Светоч историй”] - многотомной истории Афганистана.⁵ Происхождение этого историка из хазарейского рода мухаммад-хаджа (*muhammadhāja*) во многом объясняет его повышенный интерес к хазарейской теме и тот факт, что Хазараджату и хазарейцам посвящено почти сто страниц (1\6 часть) третьего тома “СТ”. В хазарейских разделах своего труда автор особенно часто использовал не только материалы архива Абдуррахман-хана и другие письменные источники, но и личные наблюдения. Не следует, однако, забывать, что Файз Мухаммад был придворным историографом - редактируемым, подконтрольным, подцензурным и не раз битым (буквально) за какую-нибудь “оплошность” в тексте.⁶ Поэтому

² Географические названия даются по Словарю географических названий Афганистана (ЦНИИГАиК, М., 1988) в том случае, если они упоминаются в этом словаре. Часть названных топонимов восходит к этнонимам - названиям хазарейских родов и племен.

³ Sæddiqi, Jalāluddīn. *Nazar ba tārix-u farhang-æ hazārahā - ūarjæstān*, № 1, 1366 (1988-1989), s.52.

⁴ Другим “Йагистаном” того времени была языческая горная область на северо-востоке Афганистана - т.н. “Кафиристан”.

⁵ Файз Мухаммад. *Сирадж ат-таварих*. Т.3. Кабул, 1333-1336 (1914\1915 - 1917\1918), с.641. [далее - СТ, ссылки в тексте].

⁶ Ромодин В.А. *Очерки по истории и истории культуры Афганистана*. М., 1983, с.131.

нельзя объяснить столь высокий удельный вес хазарейской проблематики в тексте “СТ” исключительно личными пристрастиями Файз Мухаммада. Отсюда вытекает, что через двадцать лет, прошедших после покорения Хазараджата, история этого завоевания официально рассматривалась как одно из наиболее примечательных событий предыдущей эпохи. Жизненной заслугой “абсолютного эмира” считалось решение задачи централизации власти и объединения страны, особенно значимое после стольких десятилетий раздробленности. И, поскольку борьба центристской и центробежной тенденций вообще была основным содержанием внутривластной истории Афганистана в новое время, история завоевания Хазараджата является весьма немаловажной частью афганской истории конца XIX в.

Подавление гильзайских⁷ восстаний 1886-1888 г., а также охватившего Афганский Туркестан мятежа Мухаммад Исхак-хана (1888 г.) дало эмиру возможность обдумать (с помощью своих военных советников) план покорения независимых районов Хазараджата, создававших своим нахождением в глубоком тылу условия постоянной политической нестабильности афганского государства. Необходимость уничтожения этой “пятой колонны” дополнялась, кроме того, экономическими факторами - прежде всего, потребностью кочевых пуштунов в расширении зоны летних пастбищ⁸.

Хазарейские племена, проживавшие к 80-ым годам XIX в. за пределами Йагистана, находились в разной степени зависимости от центрального правительства, как в более ранний период - от правителей Герата, Кандагара, Кабула или Кундуза. Чаще всего их вожди (*mirān*) признавали себя вассалами на условиях либо уплаты дани (впоследствии поземельного налога) и обеспечения безопасности транзитных караванов, либо поставки вооруженного контингента. В 70-е гг., в соответствии с гибкой политикой эмира Шер Али-хана, при полном невмешательстве центральной власти во внутренние дела хазарейцев, хазарейские миры стали назначаться на должности управляющих-хакимов (*hakēmān*) в местах расселения своих родов, получать высокие чины в армии, пользоваться привилегией поставки солдат в

⁷ Обычно так называемых, поскольку в них принимали участие прежде всего гильзайские племена.

⁸ Подробнее об этом см.: Ferdinand, Klaus. *Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan*. - Folk, København, vol. 4, 1962/

личную охрану эмира. Среди этих миров были вожди племен бехсуд (bəhsūd), мухаммад-ходжа, чардаста (čardasta), джагату (jayatū), джагури (jāyūgi) и шейх-али (šəux-'ali). На таких условиях большая часть миров признала верховную власть Шер Али-хана⁹. В отличие от своего предшественника¹⁰, Абдурахман-хан не хотел довольствоваться формальной зависимостью хазарейских миров, ханов и султанов. Он установил твердое налогообложение, ввел практику назначения пуштунов хакимами в хазарейские уезды и расквартирования афганских гарнизонов по хазарейским крепостям (*qala*). Новый поворот в хазарейской политике афганских властей отозвался постоянными “срывами” во взаимоотношениях эмира и его представителей с хазарейскими вождями, периодически переходившими в настоящие бунты. Хазарейцы нападали на государственных чиновников, отказывались платить налоги даже в тех размерах, что были установлены еще Шер Али-ханом. (СТ, сс.391 (мятеж хазарейцев племен *turkman*, *pārsa*, *mānsūr* и *bača-uə šādi* “по подстрекательству хазарейцев шейхали” в 1299/1881-82 г.), 398-400 (совместное выступление пуштунов-нурзаев и хазарейцев рода *subbatxān* в том же году в Дехравуде), 500 (мятеж хазарейцев родов *pāšayū* и *širdāy*) в Джагури в 1303/1885-86 г.). Большая часть этих мятежей подавлялась силами регулярной армии, но иногда привлекались ополчения, в том числе хазарейские (СТ, сс.399, 500) : “Сардар Мухаммад Хасан-хан, правитель Газни, по приказу Его Величества направил в Джагури конницу и пехоту хазарейских родов (*tāyūfa*) мухаммадхаджа, джагату и чардаста для усмирения и покорения восставших”(СТ,с.500).

Крупнейшим из выступлений было восстание племени шейх-али в 1307 (1889/90) г.х. Это восстание (вернее сказать, цепь совпавших по времени разрозненных выступлений отдельных родов этого племени) началось из-за суннитско-шиитских распрей среди вождей племени (СТ,с.663) и попыток афганской администрации пресечь их наложением крупного денежного штрафа. Оно представляет интерес как опыт организации Абдурахман-ханом карательной операции с участием регулярной армии и ополчений (в конце XIX в. афганская

⁹ Темирханов Л. Хазарейцы. Очерки новой истории. М., 1972, с. 82-83.

¹⁰ Не упоминается краткое правление эмира Йакуб-хана.

армия состояла из подразделений конницы, пехоты и артиллерии, взаимодействовавших с племенными и территориальными ополчениями - *iljāri*¹¹). В 1890 г., при расправе с хазарейцами шейх-али, осадившими в крепости Тала-ва-Барфак хакима Абдулла-хана, были использованы: 2 подразделения регулярной конницы и пехоты с приданной им батареей из числа войск, расквартированных в Мазари-Шарифе, 300 солдат гарнизонной пехоты из Доши, регулярные части из Даханайи-Гори, отряд газнийской пехоты из Ханабата (части регулярной армии обычно формировались по этническому либо земляческому принципу), а также ополчения из Кахмарда, Доаба, Даханайи-Гори и Хинджана (Там же). Простой взгляд на карту может дать представление о замысле организаторов операции: очевидно, что вышеназванные подразделения должны были окружить противника, перекрыть все дороги и вынудить мятежников искать укрытие в горах (но, “поскольку [мятежники] прятались среди камней, в пещерах, расщелинах, пехота падишаха испытывала большие трудности”, СТ, с.677). Кроме того, ставка делалась на численное превосходство. Хотя у правительственных войск возникли некоторые затруднения (так, хинджанское ополчение числом около 1000 человек попало в окружение), однако в целом силы были неравны. Понимая это и стремясь предотвратить кровопролитие, вожди мятежников сдались, “голосами слабости умоляя украшающего землю своей праведностью оказать им милость”. (СТ, с.677). Там же Файз Мухаммад пишет, что хазарейцы так объяснили причины бунта: “Мы вынули головы из петли повиновения государству, потому что не в силах заплатить сто тысяч (*lakh*) рупий штрафа. Мы изучили науку убийства для того, чтобы Его Величество услышало нас и простили нам [этот штраф].” Поражение хазарейцев шейх-али вызвало волну арестов не только среди непосредственных участников мятежа, но и среди членов их семей. Это сопровождалось конфискацией скота и иного имущества “преступников” (“большинство [мятежников] были арестованы, а их скот и вычужные животные в большом количестве попали во владение доблестных воинов”, Там же), переселением части их соплеменников в другие районы Афганистана (особенно пострадали роды *'alijam* и *karam'ali*). (СТ, сс.

¹¹ См: Kakar, Hasan Kawun. Government and Society in Afghanistan. The Reign of Amir Abd al-Rahman Khan. University of Texas Press, 1979, p. 111.

677, 681, 683, 691-692, 694 (в последнем случае сообщается, что пленные хазарейцы частично были брошены в тюрьму, частично расселены в других районах, частично направлены на работу в государственные ткацкие, кожевенные и прочие мастерские)). Эти репрессивные меры были предвестием нового политического курса в отношении хазарейцев.

Восстание хазарейцев шейх-али происходило уже после начала серьезных приготовлений к завоеванию. Еще 8 мая 1889 г. (8 рамазана 1306 г.л.х.) эмир подписал приказ на имя губернаторов и хакимов Газни, Кандагара, Пушти-Руда, Сайгана и Кахмарда - областей, окружавших Хазараджат с востока, юга и севера. Формальным поводом к изданию приказа было прошение хазарейских вождей "послать войска и артиллерию с тем, чтобы с их помощью успокоить свои племена" (СТ, с. 641). (Неясно, было ли это свидетельством проявления социальной борьбы в хазарейском обществе или стремления хазарейской верхушки заручиться поддержкой центрального правительства на случай предстоящего ввода войск в Хазараджат). Каждому наместнику повелевалось послать по два "здравомыслящих и верных" человека для разведки земель, дорог, перевалов и прочих топографических объектов хазарейского Йагистана ("расстояний, равнин, препятствий, кривых и прямых дорог, проходов, мест для остановки войск, ущелий и просторов"), а также для сбора данных о местном населении, наличии продовольственных и фуражных запасов и т.п. В соответствии с полученным приказом, губернаторы и хакиды направили разведчиков в Хазараджат. Так, губернатор Кандагара сардар Нур Мухаммад-хан послал в Урузган (главный город Йагистана) двух своих людей, которые, "выдавая себя за купцов, познакомились с хазарейскими вождями-бузургами (*buzurgān*)" (СТ, с.653). Файз Мухаммад объясняет это тем, что "поскольку купцы всегда свободно проходили через Хазараджат", "эти тоже назвались купцами и спокойно перемещались [по Хазараджату], торгуя нитками, иголками, спичками и прочими товарами, имевшими спрос у хазарейцев" (СТ, с. 643). По-видимому, аналогичным образом действовали и другие разведчики. Рекогносцировка была завершена к осени 1889 года, когда "купцы" прибыли в Мазари-Шариф доложить о собранных сведениях. Файз Мухаммад считает излишним сообщить, что каждый разведчик получил по 36 рупий за каждый месяц работы (СТ, с. 653).

Восстание шейх-али не позволило ввести войска в Хазараджат в 1890 г. Многие военачальники, в том числе *карнайл* [karnayl = полковник] Гулам Хайдар-хан, карнайл Дост Мухаммад-хана, *бергид* [bærgid= бригадный генерал] Абдулахад-хан и карнайл Фархад-хан, были заняты подавлением мятежников. Так, отряды Фархад-хана "выбывали из гор" хазарейцев рода карам-али, упорно считавших, что "покидание родины - это смерть" (*tark-э watan-э 'asli-уэ хūd rā halāk-э jān dānəsta*), и вынудили их в конце концов сдаться, когда те "увидели себя в пропасти невзгод и тягот" (*xūd rā gəgəftār-э wartə-уэ nəkbat-u wabāl dida*) (СТ, с.694).

Первоначально казалось, что покорение Хазараджата будет осуществлено силами армии сардара Абдулқуддус-хана¹². В сентябре 1890 г. эта армия вошла в Бамиан, чтобы затем двинуться на юг, в Йагистан, через земли хазарейцев дайзанги (*dāyzaŋgi*) и дайкунди (*dāykundi*), большинство вождей которых к тому времени уже признавало верховную власть афганского эмира. Обосновавшись на зиму в Бамиане, Абдулқуддус-хан, в соответствии с приказом эмира, занялся разработкой плана завоевательной операции на основании данных прошлой годней разведки (СТ, с. 699). В месяце раби'И 1308 г.х. (октябрь-ноябрь 1890 г.) сардар Абдулқуддус-хан отправил уществительные письма (*farmān-э эстəməlat*) вождям хазарейских родов *urūzgān*,

¹² Сардар Абдулқуддус-хан - сын сардара Султан Мухаммад-хана Мухаммадзая от жены-негритянки, один из самых знаменитых ишик-агаси при дворе Абдурахман-хана. Рано присоединился к "партии" эмира, помог ему при изгнании сардара Мухаммад Айуб-хана, захватив Герат со своей базы в Афганском Туркестане (1881 г.). Около года был губернатором этой провинции и пользовался большой властью, но затем был переведен в Кабул. Причину этого видят в том, что эмир опасался его союза с сардаром Мухаммад Исхак-ханом. Только после подавления сепаратистского восстания, возглавленного последним, Абдулқуддус-хан был восстановлен в правах и назначен главным командующим афганской армии, брошенной на завоевание Хазараджата. В 1892 г. был назначен на пост ишик-агаси (главного церемониймейстера). Он был малообразованным человеком и большим консерватором, выступал выразителем интересов мухаммадзайских сардаров и имел определенное влияние на эмира. (Kakar, Hasan Kawun. Op.cit.)

fulādi, sultānahmad, dāyčūrān, šawī, būbās, sērāy и др. с призывом встать наконец на “истинный путь - путь покорности (этā'at)” (СТ, с.701).

Перед началом похода произвели необходимые приготовления: прежде всего, позаботились о фураже и провианте для нужд армии. Во время зимовки в Бамиане солдаты питались мясом скота, конфискованного у разбитых мятежников шейх-али (СТ, с.694). Теперь специальные отряды фуражиров были направлены в области расселения дайзанги и дайкунди, на границу Йагистана. Несколько страниц своего труда Файз Мухаммад посвящает злоключениям жестокого Гулам Хусайн-хана, назначенного гудамдаром (gudāmdār - начальник складов фуража и провианта, т.е. лицо, ответственное за сбор фуража и провианта в данной местности) в дайкундийское селение Тамазан. Занимаясь сбором зерна, пишет Файз Мухаммад, гудамдар проявил такую бесчеловечность, что восстановил против себя не только простых людей, но и миров, ранее согласившихся сотрудничать с афганскими войсками. Так, два мира, Файзак-бек Искани и Мухаммад Риза-бек Илхани (соперники будущего предводителя антиафганского восстания хазарейцев, Мухаммад Азим-бека, в борьбе за власть в роде сепай), отказались от сдачи фуража, арестовали гудамдара и потребовали, чтобы вместо него сбором припасов занимался Мухаммад Азим-бек. Последний проявил некоторые колебания (“он хорошо знал этих миров и положил на чашу их весов харвар, а на свою - ман”¹), и миры отпустили гудамдара, после чего “с воинственными песнями разъехались по своим кала” (СТ, с.702). После этого гудамдар не изменил методов своей деятельности, чем “заложил основу насилия и укрепил фундамент угнетения, так что народ Тамазана стал изнемогать от притеснений” (СТ, с. 703). Когда гудамдар приказал арестовать трех других миров, отказавшихся заниматься заготовкой зерна для правительственной армии и бежавших к мятежному Файзак-беку, чаша терпения тамазанцев переполнилась, и мир Тамазана приказал своим людям убить гудамдара. Попытка оказалась неудачной. Теперь уже сам Казим-бек (мир Тамазана) и четырнадцать его приверженцев были брошены в тюрьму. Поднялось все

¹ Меры веса на Среднем Востоке отличались большим разбросом величин по областям при сохранении одинаковых названий. В любом случае, *харвар* - это “много” (от 150 до 600 кг), а *ман* - относительно “мало” (от 3 до 56 кг (т.н. “кабульский” ман, равный 8 *сирам*))

население Тамазана. Толпа осадила гудамдара с его отрядом в одной из крепостей, расположенных недалеко от селения. Условия зимнего времени стали причиной того, что помощь осажденному гудамдару не смогли оказать ни сардар Абдулқуддус-хан из Бамиана, ни губернатор Кандагара (в горном Афганистане зимой обычно прекращаются сколько-нибудь серьезные боевые действия по причине заснеженности и непроходимости перевалов). Кандагарский отряд, брошенный с юга на помощь гудамдару, не смог преодолеть один из заснеженных перевалов, за что впоследствии его командир, хаким Тирина Мирза Мухаммад-хан, был повешен по приказу эмира (СТ, с. 705). Между тем, штурмуя крепость, в которой укрылся гудамдар, хазарейцы ранили его. Сочтя это достаточным “возмездием за свои мучения”, хазарейцы отпустили его и направили к губернатору Кандагара делегацию с прошением о помиловании. Делегаты, со священным Кораном в руках, заявили, что выступили не против “фирмана”, то есть не против подчинения эмиру Афганистана (*sar bar hatt-э farmān natāfta*), а лишь против несправедливого представителя государственной власти, которым оказался гудамдар Гулам Хусайн-хан (бывший, кстати, не пуштуном, а газнийским хазарейцем) Губернатор объявил тамазанцам о прощении и отпустил, одарив, по обычаю, почетными халатами. С отрядом гарнизонной пехоты их сопровождал, не ведая своей участи, хаким Тирина. Что касается раненого гудамдара, то он на носилках (*taxt-э gawān*) был доставлен в Кандагар. Когда об этих происшествиях было доложено эмиру Абдурахман-хану, тот приказал арестовать хакима Тирина и его офицеров за нерадивость (*tahāwun*). Гудамдар получил приказ вернуться в Тамазан, несмотря на раны (“если он здоров и даже если он болен”), и вернуться к исполнению своих обязанностей; его “вежливо попросили ослабить насилие” (СТ, с. 705).

Драматические эпизоды этой зимы показали эмиру и его военачальникам, что даже признавшие власть афганского государства хазарейские лидеры всегда готовы выступить против этой власти в случае, если произвол государственных чиновников (а что говорить о целой армии!) достигнет известного предела. Значит, предстояло либо пресечь в корне злоупотребления и произвол, либо ужесточить карательные меры и вызвать тем самым, по цепной реакции, бунты и мятежи. В свою очередь, хазарейским вождям стало ясно, что, защищая свои государственные, а также национальные, интересы, афганцы отнюдь не готовы считаться с их интересами. Открыто делая ставку на

военную силу, афганские власти (в данном случае, в лице губернатора Кандагара), не забывали, одаривая халатами покорившихся хазарейских вождей, конвоировать их двумя сотнями солдат и парой пушек впридачу.

Интересно, что уже в это время, т.е. накануне ввода войск в Хазараджат, мятежные миры (кербелан Али-хан, мир Риза-бек и мир Насир-бек), бежавшие от гудамдара к Файзак-беку, в союзе с ним и Мухаммад Риза-беком Илхани, послали человека к сардару рода сепай Мухаммад Азим-беку, предложив ему совместно разработать план дальнейших действий. Это значит, что при определенных условиях хазарейцы могли противопоставить афганским правительственным войскам свою военную силу еще на этом этапе. Другое дело, что Мухаммад Азим-бек, “из страха, что, не дай Бог, они сделают его соучастником своих злодеяний, своим другом и помощником, отказался поехать к ним и переехал из своей резиденции (пәšimangāh) в Ишкарабаде в Гизаб, все население которого было подчинено афганскому падишаху” (СТ, с. 705). Дальнейшие события заставили лидера сепай изменить своей осторожности, отказаться от лояльности центральным властям и возглавить партизанскую войну против афганской армии.

Наступила весна 1891 г., и сардар Абдулқуддус-хан двинул свои части из Бамиана в мятежный Тамазан, который, по утверждению Файз Мухаммада, находится в 17 переходах к югу от Бамиана (СТ, с.708). Тем самым было поднято “знамя покорения злонамеренных хазарейцев Йагистана” (Там же). Двигаясь по землям дайзанги, эта армия несколько раз останавливалась для пополнения фуража и провианта. На этих остановках к ней присоединялись отряды ополчений дайзанги, так как большая часть вождей дайзанги и дайкунди в то время не решалась “поднять огонь мятежа” (Там же).

В месяце зу-л-ка’да 1308 г.х. (июнь 1891 г.) армия сардара Абдулқуддус-хана находилась в Тамазане, а части под командованием карнайла Мухаммадулла-хана и карнайла Фархад-хана - в Хиджристане (=Аджристан), где уже был дислоцирован отряд хакима Бехсуда Мухаммад Наби-хана. Наготове были и части регулярной армии, а также ополчения в Кандагаре, Калате и Газни (СТ, с. 714). В связи с этим сардар Абдулқуддус-хан, в качестве главнокомандующего, подал эмиру Абдурахман-хану прошение о разрешении на начало военных действий. Эмир отвечал фирманом, в котором выразил беспокойство по поводу знания Абдулқуддус-ханом и его офицерами топографии

зоны будущих военных действий, достоточной численности войск и запасов фуража и провианта. Он писал, что до завершения всех необходимых приготовлений “Фатиха прочитана не будет”¹³ (СТ, с. 715). Ответом сардара был подробный отчет о проведенных приготовлениях. Абдулқуддус-хан писал, что во всех окружающих Йагистан и уже подчиненных центру районах Хазараджата фураж и провиант заготовлены в достаточном количестве, из расчета, что армия будет задерживаться на каждой остановке на 2-3 дня. Он сообщал, что зерно продолжает прибывать на склады. Особо был подчеркнут тот факт, что фураж и провиант были заготовлены в некоторых населенных пунктах самого Йагистана, в частности, в Тамазане. Главнокомандующий сообщал, что на складах Вараса (земли дайзанги) был заготовлен аварийный запас - около 500 харваров муки и ячменя, а также большое количество масла и мяса; с мирами племени дайзанги была достигнута договоренность, что они соберут 3,5 тысячи голов вьючного скота в селении Тупчи (СТ, с.715).

Главнокомандующий докладывал эмиру, что разведкой выявлено несколько дорог, по которым можно было попасть в Йагистан. Первая шла с севера на юг, через земли рода сепай племени дайзанги, затем через уезды Фулада и Завали, и далее в Урузган по маршруту: Варас - Баг - Шахристан - р. Гильменд - хр. Кансан. Вторая дорога шла с северо-запада на юго-восток, со стороны хазарейцев, подчинявшихся Кандагару, и также пересекала реку Гильменд в месте, где “уже построен мост”. Эта дорога проходила через следующие ключевые пункты: Дайкунди - Нили - Тамазан - р. Гильменд - Гизаб. Попасть в Йагистан можно было “только через перевал [в горах Кансан?], на котором укрепились мятежники” (Там же). Учитывая это обстоятельство, сардар высказал намерение двинуться по второй (=Тамазанской) дороге.

По плану, с юга должны были подойти афгано-хазарейские ополчения из Дехравуда и Тирина. Что касается правительственных войск на Хиджристанском фронте, то они должны были находиться в уже покоренном уезде Джирги (Джилъга?) до тех пор, пока отряды сардара Абдулқуддус-хана, двигаясь из Тамазана через Гизаб, не займут

¹³ Имеется в виду первая сура Корана. В данном случае прочтение Фатихи рассматривалось бы как благословение на начало войны.

Урузган. Это было необходимо для того, чтобы хазарейцы Урузгана не смогли оказать помощь мятежным (=независимым) хиджристанским племенам дая (dāya) и фулади. После захвата Урузгана эти части (ведомые карнайлом Фархад-ханом и другими командирами) должны были любой ценой овладеть Хиджристаном и землями дая и фулади, разрушить все хазарейские крепости, конфисковать оружие, взять в плен всех, кто откажется подчиниться. При этом армия в Хиджристане должна была численно значительно превосходить противника, так как ей предстояло еще покорение областей, населенных племенами завали (zawāli) и султан-ахмад (уезды Завали и Султан-Ахмад располагались между Хиджристаном и Урузганом). (СТ, с. 716.)

Согласно плану сардара Абдулқуддус-хана, в резерве у хиджристанских регулярных частей должны были оставаться ополчения из Бехсуда, а также ополчения хазарейцев Газни (со стороны Малистана). Армии самого сардара на Гизабском фронте должны были, как уже отмечалось, содействовать иррегулярные части из Тирина. Сардар указывал, что в случае необходимости можно будет прислать дополнительные части и ополчения из Кандагара, Калата и даже Туркестана¹⁴. Заметим, что впоследствии разгоревшаяся партизанская война вынудила стянуть к Хазараджату не только все упомянутые резервные части, но и многие другие.

Говоря о составе своей армии, Абдулқуддус-хан сообщал, что в нее входили несколько частей регулярной пехоты, конница и пехота хазарейских ополчений дайзанги, дайкунди и других покорившихся племен (до 1000 всадников), а также сотня всадников регулярной армии. Правда, артиллерия сардара насчитывала всего две пушки. Отмечая наличие хазарейских отрядов в своей армии, Абдулқуддус-хан докладывал, что специальные люди назначены им следить за поведением хазарейских отрядов внутри армии, особенно во время остановок в тех или иных пунктах. Предполагалось, что в ходе боевых действий хазарейские солдаты будут находиться всегда рядом с пуштунами¹⁵, а в

¹⁴ Речь идет об Афганском Туркестане - территориях между Гиндукушем и Аму-Дарьей, населенных преимущественно туркменами и узбеками.

¹⁵ Х.Какар пишет, что в сражении ополченцы обычно шли впереди регулярных подразделений. Считалось, что это объясняется их

мирное время им будет поручено строительство дорог, мостов и укреплений, а также сбор фуража и провианта с местного населения.(СТ, с.716).

По-видимому, эмир был удовлетворен как степенью готовности армии, так и разработанным сардаром Абдулқуддус-ханом планом военной операции по покорению Хазараджата. 24 зу-л-хиджа 1308 г.л.х. (31 июля 1891 г.) Абдурахман-хан подписал приказ о начале боевых действий в Хазараджате (СТ, с. 730) Но перед этим, в качестве последнего пробного камня, он направил копии ультимативного фирмана сорока пяти вождям родов и племен Йагистана, как совсем непокорных, так и тех, кто подчинялся лишь на словах, формально (фирман от 16 зу-л-хиджа, т.е. 23 июля) (СТ, с. 727). "СТ" перечисляет этих миров и бузургов поименно, мы же ограничимся тем, что назовем сами племена: haydar, lūti, mirqadam, dūnka (dūnga?), dāya, murād, hāji, qārīlūq, dādi, pəštān, muhammad, dara hūštawi, nahāl, xayyāl, dawlatxān, nikmuhammad, 'aziz, aska, tuyluqtimūr, ūtna, 'əna'at, urūzgān, bāsi, čūpānak, nūčašma, ādina, mirqali, xaršnū, dārū, māl'əstān, adəlbek, zawāli, šādi, γāf-ə səpāy, sultānahmad, tājik, dāyčūpān, nūrbek, ajixān, mirādina, zardak, muridi, makanak, dahla, xurdak, zāyəda, pek, mulki. (СТ, с.728) Причем, фирман был отправлен и тамазанским мятежникам, противникам гудамдара (Файзак-беку Искани и Мухаммад Риза-беку, мирам рода гаф-е сепай. В этом последнем из увещательных фирманов эмира говорилось, что в столь сложной международной обстановке, когда Англия и Россия с двух сторон подступают к Афганистану, "не подобает оставаться мятежными и не подчиняться фирману" (СТ, с.729). "Я хочу, - говорилось в послании эмира, - чтобы вы, подобно другим бузургам Хазараджата, встали с выражением покорности у престола падишаха Афганистана. Не желаю того, чтобы вы стали мятежниками и осрамили себя перед великим Аллахом и посланником его... Явитесь к сардару Абдулқуддус-хану, не вступая с ним в бой и выразите ему покорность¹⁶. Если же вы не примете это наставление,

лучшим знанием топографии местности. (См: Kakar, Hasan Kawun. Op.cit. p.111.)

¹⁶ Слово "ətā'at" употребляется в тексте "СТ" как термин, означающий не просто "покорность, послушание, подчинение", но как признание вассалитета, выражение лояльности, а, в ряде случаев, и

то я не буду вашим заступником перед богом, и весь исламский народ восстанет против вас... Пусть ваши муллы откроют священный Коран и прочтут то место, где говорится о мятежах... Если послушаетесь, падет на вас гнев Всевышнего, и будете страшно наказаны" (СТ, с. 729).

Неизвестно, что именно в тексте фирмана произвело большее впечатление на хазарейских вождей - доводы ли против сепаратизма и междоусобиц, мешающих борьбе с международным империализмом, или угроза поднять всех суннитов на борьбу с неверными, - но часть бузургов решила подчиниться правительственным войскам. Например, когда части регулярной армии и ополчения под командованием Фархад-хана, Мухаммадулла-хана и Мухаммад Наби-хана, в точном соответствии с планом сардара Абдулкуддус-хана, вошли в Хиджристан, местные вожди не оказали им никакого сопротивления. Лишь в местечке Марварид у склонов горы Шах Тус произошло не особенно серьезное столкновение правительственных войск с "теми, кто не слушался увещаний падишаха" (СТ, с. 731). После этого сардар Абдулкуддус-хан приказал карнайлу Мухаммадулла-хану остаться в Хиджристане с отрядом регулярной пехоты, а Фархад-хану, с регулярным войском и хазарейскими ополчениями из Бехсуда и Малистана, приказал занять уезды Мир Адина, Завали и Султан-Ахмад. Сам Абдулкуддус-хан двинулся по направлению к Урузгану. Под командованием карнайла Фархад-хана поступило и ополчение пуштунского кочевого племени мулла-хель (mullā-xel)¹⁷, сразу попавшее в авангард вместе с опоченцами Малистана. Объединенный пуштунско-хазарейский авангард с боями захватил крепость Чарбурджа (= "Четырехбашенная") в уезде Завали и осадил кала Шашбурджа (= "Шестибашенная"), где непокорные завалийцы укрепились достаточно основательно. Осада

признание военного поражения, капитуляцию. В "выражении покорности" (əzhār-ə ətā'at) есть и элемент обычая.

¹⁷ Уже упоминалось об особой заинтересованности кочевых пуштунов в захвате хазарейских земель под летние пастбища. Этим объясняется их готовность выставлять свои ополчения в ходе этой кампании. На с. 714 "СТ" говорится: "Афганские кочевые племена гильзаев и момандов, страдая от насилия, чинимого хазарейцами Йагистана, и страшась их набегов, не могли пасти скот на горных пастбищах Хазараджата... Поэтому они передали армии эмира 400 верблюдов и выделили людей".

затянулась на несколько дней. Между тем, хазарейские бузурги стали группами прибывать к Фархад-хану с выражением покорности. Первую группу бузургов завали карнайл встретил словами: "Говорят, что вы были неверными! Теперь я вижу, что вы стали мусульманами". Он приказал им прочесть символ веры¹⁸, а затем одарил, как положено, почетными халатами и отпустил с тем, чтобы они обнадежили других радостной вестью о монаршей милости и склонили других к подчинению государству (СТ, с. 731). Однако, когда вслед за этим, следуя тому же "пути покорности", в лагерь Фархад-хана прибыли со своими ополчениями бузурги хазарейских племен зардак, пашаи¹⁹ и ширдаг, карнайл приказал арестовать 53 человек и казнить пятнадцать из них, а подарки, которые они преподнесли ему, в том числе прекрасного коня, "достойного седла сардара", принял "с отвращением на лице" (Там же). По мнению Файз Мухаммада, непоследовательность правительственного эмиссара, его неверность данному слову и, наконец, несоблюдение им обычаев, привели к тому, что те хазарейские вожди, которые уже признали себя подданными афганского эмира, "очень испугались и затаили в душе крайнее возмущение" (Там же). Подробно описывая этот эпизод кампании, Файз Мухаммад, на наш взгляд, пытается показать одну из причин последовавшего за тем восстания, затянувшегося процесс завоевания Хазараджата на несколько лет, а именно неумение или нежелание афганцев найти общий язык с местной элитой.

После падения крепости Шашбурджа армия Фархад-хана двинулась в уезд Султан-Ахмад и в местности Абпаран соединилась с частями, которыми командовал Абдуссамад-хан (эти войска направлялись в Йагистан по дороге, которая вела через земли рода сепай племени дайзанги). Совместно они выступили в сторону Урузгана (СТ, с. 732). Узнав об этом, главнокомандующий повернул от Урузгана, куда двигался по Кулхарской дороге, в сторону Тамазана (нельзя было держаться в тылу эту "колыбель бунта"). Добравшись до моста через реку Гильменд, сардар Абдулкуддус-хан оставил там часть своего войска (всего у него было тысяча всадников дайзанги, батальон регулярной

¹⁸ Имеется в виду т.н. "шахада": "Нет бога, кроме Бога, а Мухаммад - пророк Его".

¹⁹ Этноним, совпадающий с названием одной из дардских народностей Афганистана.

пехоты и две пушки) для того, чтобы в случае необходимости перекрыть путь тамазанцам, если они вздумают отступить в Урузган. Абдулқуддус-хан вошел в Тамазан и учинил там настоящий разгром. Было схвачено множество людей, "совершивших преступления и виновных в вероломстве", а также жены и дети мятежников. Всех заподозренных в участии в бунте Абдулқуддус-хан отправил в Кабул, в том числе миров - Риза-бека Узмаки, Казим-бека Тамазани, Насир-бека Чараспани и Алихан-бека Шинаи. В Кабуле непокорные миры (один из них, как мы помним, в свое время выступил инициатором убийства гудамдара) были замучены до смерти. Другие знатные тамазанцы были вынуждены оставить в ставке главнокомандующего афганской армии своих сыновей или младших братьев в качестве заложников. Им пришлось согласиться на то, что в их кала будут расквартированы солдаты армии сардара. Кроме того, им вменялось в обязанность помогать правительственным войскам в преследовании уцелевших партизанских групп ("тех, кто в степи или в горах находится еще на пути заблуждения") (СТ, с.732). Запуганные и, в то же время, купившиеся на разные обещания сардара бузурги выразили *этā'at* и подчинились центральному правительству.

В это время из Герата в Тамазан прибыл корпус регулярной армии под командованием бэргиды Забардаст-хана. Резкое увеличение численности регулярных войск и известия о готовности антихазарейских ополчений в Газни, Мукуре, Калате, Вардакс, Фарахе, Пуштируде, Дехравуде, Тирине и Хакрезе (СТ, с.730), свидетельствовали о полном военном превосходстве афганской армии. Поэтому большая часть миров Йагистана вынуждена была выразить покорность афганским военачальникам. За капитуляцией последовала вынужденная поездка в Кабул с подарками для эмира. Разумеется, мирам было запрещено вернуться в Хазараджат (СТ, с.733).

Несмотря на то, что далеко не все очаги сопротивления были подавлены, а столица Йагистана - Урузган - не была занята, сардар Абдулқуддус-хан послал эмиру реляцию о победе. В ответном послании эмир Абдурахман-хан приказал, в целях обеспечения безопасности, конфисковать у хазарейцев все оружие и военное снаряжение и разместить, где потребуется, военные гарнизоны. Он просил по возможности мирно обходиться с местным населением. К сожалению, последняя рекомендация эмира была нарушена уже в первые дни, когда солдат афганской армии изнасиловал жену одного хазарейского

бузурга. Возмущенные жители деревни приволокли этого солдата в лагерь сардара Абдулқуддус-хана. Сардар освободил его, не назначив никакого наказания. "От этого, - пишет Файз Мухаммад, - люди пришли в смятение, так как поняли, что теперь солдаты безнаказанно могут творить всякие гнусные дела" (СТ, с.732-733). Дальнейшее поведение афганских военачальников и солдат лишь подтвердило опасения хазарейцев. Так, при проведении конфискации оружия активно применялись пытки. К этому прибегали тогда, когда неэффективным оказывалось ознакомление хазарейцев со следующим фирманом эмира: "Если ружья останутся у вас, нам придется оставить небольшой гарнизон регулярной армии в каждой вашей деревне. Присутствие армии стеснило бы вас, а я не желаю вам лишних неприятностей... Поэтому приказываю изъять у вас оружие для гарантии [безопасности]. Когда вопрос Хазараджата будет решен окончательно, вам вернут оружие. Это будет проверкой вашего дружелюбия и преданности... Когда, через несколько дней, мы уверимся в вас, тогда и вернем вам оружие, ведь разве не могут носить оружие верные слуги государства? И тогда, если у вас не будет хватать ружей, пороха и свинца, я сам выделю для вас все необходимое... Вы - народ, который мне безразличен" (СТ, с.734).

К середине месяца сафар (сентябрь 1891 г.) сардар Абдулқуддус-хан уничтожил последние очаги сопротивления на пути от Тамазана до Урузгана и расставил повсюду гарнизоны правительственных войск. Так, войдя в Чора, он приказал отобрать оружие у местных миров, уклонившихся от поставки ополченцев в армию главнокомандующего с помощью взятки в несколько тысяч рупий гудамдару Гулам Хусайн-хану. По приказу Абдулқуддус-хана, хазарейцы построили в Чора несколько казарм для гарнизона численностью в 200 пехотинцев (СТ, с.738). Далее, в уезде Чинарту, армию сардара Абдулқуддус-хана встретил огонь мятежников, которые, помня о вероломной расправе Фархад-хана над покорившимися ему знатными хазарейцами, бежали в горы и, "по дикости своей", палили сверху по солдатам правительственных войск. Сардар Абдулқуддус-хан послал против них отряд под командованием Мирза мухаммад-хана, в составе 200 солдат регулярной армии и 600 ополченцев Дехравуда. Отряду удалось захватить крепость Чинарту. Ночью, "опечаленные гибелью своих товарищей", хазарейцы попытались отбить крепость, но потерпели неудачу: двенадцать из них были убиты, многие ранены. Потери с афганской стороны были незна-

чительными: один убит, двое ранены. Потерпев поражение, хазарейцы ушли в горы и увели с собой 12 нагруженных верблюдов сипаха /т.е. армии/ (Там же).

В свою очередь, карнайл Фархад-хан после победы над защитниками крепостей Чарбурджа и Шашбурджа, шел со своими полками к Урузгану через уезды Завали и Султан Ахмад. В районе селения Абпаран им оказали сопротивление хазарейцы рода зардак. Расправа Фархад-хана была коротка: девять человек по его приказу были казнены, а еще сто пятьдесят (среди них и женщины) в кандалах отправлены в лагерь уезда Завали²⁰.

Захватив Чинарту, армия сардара Абдулқуддус-хана вышла к центральному городу хазарейского Йагистана - Урузгану. Город был занят практически без боя. Когда к Урузгану подошли части Фархад-хана, общая численность войск, сконцентрированных в Урузгане, достигла двадцати тысяч (СТ, с.739). Ввиду недостатка провианта, сардар распустил 2/3 ополченцев. Оставшаяся часть совместно с подразделениями регулярных войск занялась конфискацией оружия у местного населения. Бузурги узурганских родов, выразившие эта'ат сардару Абдулқуддус-хану и одаренные им в знак прощения традиционными халатами, сами разрушили свои кала и оказали содействие в конфискации оружия у своих соплеменников. Камень и дерево с разрушенных крепостных стен и башен перетасили в Урузган для использования в развернувшимся там строительстве казарм, складов, конюшен и арсенала (СТ, с.745). Солдаты правительственной армии проводили конфискацию оружия по всему Йагистану, отправляя его в Урузган для дальнейшей пересылки в Кабул. Дом за домом проходя хазарейские деревни, афганцы забирали не только оружие, но и "все, что попадет под руку", и сравнивали с землей крепостные башни (Там же). Части Фархад-хана "наводили порядок" в уезде Джат, среди хазарейцев Малистана, среди джагурийских родов бубап, каландар (qalandar), шави, пашай и ширдаг. В Малистане был расквартирован гарнизон в составе

²⁰ У Фархад-хана был большой опыт обращения с пленными хазарейцами. Во время карательной экспедиции против шейх-али он приказал заковать всех пленных, среди которых были и женщины, в кандалы, и лично отконвоировал пленных в Кабул во главе отряда из 300 всадников-тараки. В Кабуле часть пленных попала в тюрьму, а остальные - в государственные ремесленные мастерские (СТ, с.694).

пехотного подразделения и отряда узбекской конницы, при двух пушках. Аналогичные гарнизоны расставлялись по всему Хазараджату (Там же).

Таким образом, завоевание Хазараджата состоялось. Губернатор Кандагара, при получении этой радостной вести, одарил гонца кашмирской шалью и приказал салпотовать 21 пушечным выстрелом.

К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет нам должным образом продемонстрировать преждевременность этих радостных фейерверков. Йагистан был покорен, но остался непокорным. Едва минула зима, эмиру Абдулрахман-хану пришлось вновь собирать ополчения и стягивать армии к Хазараджату. В апреле 1892 г., после очередного насилия, на этот раз учиненного над хазарейской женщиной тремя солдатами афганской армии, в одной из деревень долины Пахлаван, расположенной рядом с Урузганом, вспыхнуло восстание. Полагая, что "сто смертей лучше такой жизни", хазарейцы убили насильников, сознательно пойдя на собственную смерть, а также плен и последующее рабство своих жен и детей, полное разграбление своего имущества (СТ, с.761). Файз Мухаммад объясняет решимость хазарейцев их нежеланием терпеть бесчестье и лишь "вздыхать, глядя, как творятся деяния бесчеловечные и противоправные" (Там же).

Восстание перекинулось в другие районы Хазараджата. Возмущенные гнетом и насилием, отчаявшиеся люди захватывали арсеналы (перебив, разумеется, охрану), возвращали себе оружие и осаждали крепости, в которых укрывались офицеры гарнизонов и присланные на места чиновники. Хазарейцы не могли не знать об относительной мощи афганской армии, о методах проведения ею карательных операций. И тем не менее "этот народ, никогда не видевший палки сборщика налогов, предпочел смерть" (СТ, с.738). Два года шла настоящая партизанская война. Описывая эти события, исследователи, в частности, Л. Темирханов, вслед за Файз Мухаммадом²¹, употребляет выражения "восстание", "мятеж", "бунт".²² Представляется, однако, что как по характеру (разрозненные выступления и несогласованные акции

²¹ В тексте "СТ" используются различные слова, означающие "мятеж", "неповиновение": *fəṣād*, 'ənād, əztərab, bayi, bayāwat, tuyyān, 'adāwat, 'usyān, əytəšaš, nāfarmāni, sətiz, āšūb, šūrəš, balwā, qəyyām, qəyyāmat, fətna, mafsada, tamarrud, nəfāq, 'adam-ə itā'at.

²² Темирханов Л. Ук. соч., с. 119-127.

отдельных отрядов), так и по методам борьбы с противником (засады, ночные нападения на лагеря и арсеналы, захваты обозов при полном контроле дорог и территории вне населенных пунктов) это народное движение было скорее партизанской войной против оккупационной инонациональной армии.

Военное поражение хазарейцев в этой войне, естественное в виду количественного и качественного превосходства афганской армии, привело не только к утрате ими независимости, но и к разрушению экономики, массовой гибели, обращению в рабство или эмиграции населения. Хазарейцы превратились в париев афганского общества. В чисто средневековом азиатском духе на базарной площади в Кандагаре сооружались башни из отрубленных голов хазарейцев. Психологические последствия этого варварства сохраняются по сей день.²³

Негативная составляющая исторической памяти хазарейцев, связанная с обстоятельствами вхождения этноса в афганское государство, не должна мешать пониманию объективной необходимости централизации страны, преодоления всех сепаратистских настроений, подавления всех сепаратистских движений. Будучи государственным человеком и патриотом, эмир Абдурахман-хан безусловно осознавал эту необходимость. История Афганистана последних трех веков показывает, что периоды развала и анархии, наступавшие вслед за периодами централизации, всегда означали откат назад в цивилизационном отношении. Речь идет, в частности, об эпохе гражданских войн начала XIX в., предшествовавшей возвышению Баракзаев, о периоде борьбы за престол, наступившем после смерти эмира Дост Мухаммад-хана (1863-1968 гг.), о 1929 г. (правление Бачаи Сакао). Феодалные, этнические, конфессиональные, политические междоусобицы равно стимулировали социально-экономический регресс. В полной мере сказанное относится и к периоду последних двух десятилетий.

²³См., напр.: Məskūb, Rəzā , Yāddāšti ba āyāz. - ʿarjəstān, Kābul, 1366, dalw-hūt, № 1, s.15-16. Говоря о трагических страницах истории хазарейцев, автор пишет: "Эти проклятые чужаки радовались и смеялись, глядя на наши трупы... Стоны и крики разносились над нашей родиной, превратившейся в бойню. Это продолжалось до тех пор, пока тиран не пресытился воплями хазарейцев, бесчисленными "минаретами из черепов"... Хазарейцы испытали страшное унижение. Быть хазарейцем или с хазарейцем было позором".

В конце прошлого века "абсолютный эмир" верил, что благодаря его усилиям, направленным на усиление государственной власти и упрочение территориальной целостности страны, Афганистан вступит в новый век с надеждой на прогресс и скорое процветание. К сожалению, теперь, сто лет спустя, оснований для такого рода надежд почти нет.

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Е.Л. Бутенко

V курс, индология

Мифология и особенности культа Шивы

(на материале Сканды-пураны: Сахьядри-кханда, гл. 16)

Введение

Данная работа является продолжением курсовой работы IV курса, которая была посвящена переводу и комментированию повествовательной части главы 16-й Сахьядри-кханды Сканды-пураны "Возникновение лингама". Перевод осуществлен по изданию: Ed. Gerson da Cunha: The Sahyādrī-Khaṇḍa of the Skanda-Purāṇa. A Mythological, Historical and Geographical Account of Western India. First Edition of the Sanskrit Text, with various readings. Bombay, 1877.

Сканды-пурана, по свидетельству Л.Рочера, - наиболее обширная и неопределенная по объему из всех пуран: "Научная литература единодушно считает ее не единым, связным текстом, а лишь именем, на верность которому претендуют крупные труды, называемые самхитами или кхандами подлинной пураны..." (L. Rocher "The Puranas", Wiesbaden, 1986, с. 230). К таким текстам, претендующим на принадлежность к Сканды-пуране и существующим в большинстве своем лишь в рукописном виде, относится и Сахьядри-кханда. Эти тексты дают свое описание Сканды-пураны, отличное от общепринятого, изложенного в Наранда-пуране (1.ch104), где Сканды-пурана описывается